

Юлия Пискунова

Юлия Пискунова родилась в 1975 г. в посёлке Горный Ягоднинского района Магаданской области. Живёт в Новосибирске. Окончила Новосибирскую государственную консерваторию им. М. И. Глинки и получила квалификацию «композитор. Преподаватель по специальности "композиция"» (2002). Руководитель ЛИТО «Не воробей» при Новосибирской областной молодёжной библиотеке.

Выпускница Литературных курсов 2022 г.

Пишет стихи и музыку. Член Союза композиторов России.

Публиковалась в журналах «Южный маяк» (Краснодар, 2022), «Эмигрантская лира» (Бельгия, 2022), поэтических сборниках «Ловец слов» (Москва, 2019), а также в сетевых журналах «Фабрика литературы», «Молодое око», «Русское поле», «Пашня», «Нос» и других.

Победитель международного конкурса «Есть только музыка одна» (2021), награждена дипломом за качественную работу на XII Всероссийском совещании молодых писателей (2022, Челябинск), участник проекта «Литературные резиденции» АСПИР (2022). Победитель литературного конкурса имени Салиха Гуртуева «Есть родина — а значит, счастье есть» (2023).

Участник Межрегионального совещания авторов Сибири и Дальнего Востока (2021), Межрегионального семинара-фестиваля «Капитан Грэй» (Мурманск, 2021).

Детство

Паутинки

Ветром сквозь прутья клетки
мысли витают, лето –
это когда в салфетки
вязаные одеты
стол, телевизор, спинка
кресла, гора подушек.
Будто бы паутинки
хрупкие – не снаружи,
между ветвей, а в доме.
Вряд ли их тут разрушат.
Разве что только кроме
Васьки – он «греет уши»:
ждёт, что уйдёт бабуля.
Когти точить о кресло
кинется скоро пулей.
Память бледна – облезла,
словно почтовый ящик.
Странная штука – память...
Вижу – как в настоящем –
вязанный круг, руками
близкого человека.
Даже на табуретке –
в памяти четверть века –
спит вечным сном салфетка.

Всех породистых разобрали щенками.
На неё махнули рукой: пустая порода.
Толстовата, скулит как-то странно, зубами
угрожает и в клетку ложится у входа,
охраняя щенков из помёта. Короче,
для охоты и выставок профнепригодна.
Жулька выла и плакала горько полночи,
а потом повзрослела и стала свободной.

Петушок

Ни герани, ни будильника на столе.
Нет и дома, облупленных рам окошек.
Где бабуля? Обещала, что дó ста лет...
Говорила, что воздух в селе хороший.

Сахар, масло, лимонка, чуть-чуть воды –
это детство, янтарно-наивный праздник.
Петушок мой, оторвался от палочки ты...
Растворился в сиропе небесном разве?

Направления

Солнце едва отражалось в воде,
ель опускала лапы.
В этот обычный осенний день
очень хотелось плакать.
Астры, что были ещё в цвету,
небо просили: жалься!
Там самолёт набирал высоту.
Тут первый снег снижался.

Я разрыла, как в детстве, ямку
в своём небольшом саду.
Положила туда я мамку
любимую и беду
положила, зарыла урну.
Тут ни стёклышкам, ни слюде
места нет – лишь стоит ажурный
постамент для живых людей.
«Не люблю, – говорила, – толпы».
Бьётся пламенем бересклет.
И лежит на душе осколком
не секретик и не секрет.

Крушение

Увы, есть фотография события,
и, значит, это было, точно было.
Там, на мосту, стояли двое – ты и я.
Минута оставалась до закрытия
кафе-шантана «Лето», и кружила
над нами осень лёгким вертолётником
кленовым. Ты сказал, что уезжаешь.
Закапал дождь по разноцветным зонтикам.
«Звони мне, дочка, ты ведь не чужая.
Но только папой не зови – расстроятся
моя подруга с падчерицей Лидой.
Я, может, навешу тебя на Троицу.
Ну, я пошёл. Короче, будет видно...»

Кружился над водой в изнеможении
мой вертолётник в заверти норд-оста.
Намок, бедняга, потерпел крушение
и утонул стремительно и просто.

Мгновение

Белым зерном бригантины на север плывут.
Томное солнце подсвечивает горизонт.
Напоминая рассыпчатую халву,
горы искрятся, и топчет ребёнок газон.
Ветер, сорвав горсти бусин ранеточных, сплёл
с травами их, с покрасневшим палым листом.
Женщина смотрит на пса, выжимая подол.
Пёс, умудрившись подкинуть корягу раз сто,
мчится обратно – он будет облизывать лоб
лучшему другу, показывать всё, что нашёл.
Бог замирает, не крутит калейдоскоп –
смотрит в него, говоря в никуда:
«Хорошо...»

Голубянки Икара осколками неба опустятся,
И под ними замрут и цветы, и деревья, а я –
Хоть и местная, обыкновенная с виду, капустаница,
Растерявшись, невольно расправлю одежды края.

«А когда станешь взрослой,
то кем хочешь стать?» – эти взрослые,
Помню, мне задавали дурацкий вопрос. Над тропой
Пролетая своей, стала взрослой... дружа с дикоросами,
Поняла, кем хочу быть – хочу оставаться собой.

Я уже не стану балериной.
Ты уже не станешь космонавтом.
Посмотри на озеро – как дивно
проявляется о небе правда.
Вроде бы всё то же, только с рябью
вторится, с приёмом соpy-paste.
Вот и мы смешны в наивных жабьих
наших представлениях о счастье.

Где детство?

Разноголосица
птиц и ветвей кружева
просят: «Эй, крикни, ну-ка!».

...Эхо разносится.
Соединяя слова,
экономит на буквах.

Знак вопросительный
сняв, намекает: живём
без причины и следствий.

Незамедлительно
мне возвращает заём
словом-ключиком: гдетство.

Мой Край – на краю земли.
Мой дом на краю обрыва.
Господь, облака подстели,
пожалуйста, перед порывом
бездушного ветра – вниз
летят и грохочут камни,
и стонут деревья, пни,
и хлопают двери, ставни.

Я молча стою – немая
как будто. Плывёт регата
за мною по небу – знаю,
с собой увезёт куда-то.